

МОЛИТВА ВОСПИТАТЕЛЯ

Я не возношу к Тебе долгих молитв, о Господи. Не обращаю бесчисленных вздохов... Не бью поклонов, не совершаю богатых жертвоприношений во славу Твою и хвалу. Не пытаюсь завоевать Твою величайшую милость, не добиваюсь щедрых даров.

Мысли мои не имеют крыльев, которые вознесли бы песнь мою к небесам.

Слова мои бесцветны, не благоуханны, серы. Устал я, безжизнен.

Взгляд затуманен, а спину согнуло бремя забот.

И все же я обращаюсь к тебе, Господи, с сердечной просьбой. Ибо обладаю сокровищем, которое не хочу доверить брату-человеку. Опасаюсь, что человек не поймет, не почувствует, пренебрежет, высмеет.

Я, всегда бывший рядом с Тобой смиренной тенью, здесь буду страстно настаивать.

Я, всегда шептавший Тебе, здесь заговорю непреклонным голосом.

Повелительный взор свой устремлю в высь небесную.

Выпрямившись во весь рост, потребую, ибо не для себя.

Ниспошли детям светлую долю, помоги их усилиям, благослови их труды.

Не самым легким из путей поведи их, но самым прекрасным.

А в залог этой просьбы прими единственное мое сокровище — печаль.

Печаль и труд.

КАК ЛЮБИТЬ РЕБЕНКА

РЕБЕНОК В СЕМЬЕ

1. Как, когда, сколько, почему?

Я предвижу много вопросов, которые ждут ответа, и сомнений, нуждающихся в разъяснении.

И отвечаю:

— Не знаю.

Всякий раз, когда, отложив книгу, ты начинаешь раздумывать, книга достигла цели. Если же, быстро листая страницы, ты станешь искать предписания и рецепты, досадуя, что их мало, знай: если и есть тут советы и указания, это вышло само собою, вопреки воле автора.

Я не знаю и не могу знать, как неизвестные мне родители могут в неизвестных мне условиях воспитывать неизвестного мне ребенка, подчеркиваю — «могут», а не «хотят», а не «обязаны».

В «не знаю» для науки — первозданный хаос, рождение новых мыслей, все более близких истине. В «не знаю» для ума, неискушенного в научном мышлении, — мучительная пустота.

Я хочу научить понимать и любить это дивное, полное жизни и ярчайших неожиданностей творческое «не знаю» современной науки о ребенке.

Я хочу, чтобы поняли: никакая книга, никакой врач не заменят собственной зоркой мысли и внимательного наблюдения.

Часто можно встретить мнение, что материнство облагораживает женщину, что лишь как мать она созревает духовно. Да, материнство ставит огненными буквами вопросы, охватывающие все стороны внешнего и внутреннего мира, но их можно и не заметить, трусливо отодвинуть в далекое будущее или возмущаться, что нельзя купить их решение.

Велеть кому-нибудь дать тебе готовые мысли — это поручить другой женщине родить твое дитя. Есть мысли, которые надо самому рожать в муках, и они-то самые ценные. Это они решают,

дашь ли ты, мать, грудь или вымя, воспитаешь как человек или как самка, станешь руководить, или повлечешь на ремне принуждения, или, пока ребенок мал, будешь играть им, находя в детских ласках дополнение к скупым или немилым ласкам супруга, а потом, чуть подрастет, бросишь без призора или захочешь переламывать.

2. Ты говоришь: «Мой ребенок».

Когда тебе и говорить это, как не во время беременности?

Биение крохотного, словно персиковая косточка, сердца — эхо твоего пульса. Твое дыхание несет кислород и ему. Одна кровь течет и в нем и в тебе — и ни единая алая капля крови еще не знает, останется она твоей, или его, или прольется и умрет, как дань, взимаемая таинством зачатия и родов. Кусок хлеба, который ты жуешь, — материал ему на созидание ножек, на которые он встанет и побежит, кожицы, которая их покроет, глаз, которыми он будет смотреть, мозга, в котором вспыхнет мысль, ручонки, которыми он к тебе потянется, и, улыбаясь, назовет: «мама».

Вместе вам переживать решающий момент; сообща станете испытывать общую боль. Но пробьет час — знак:

— Готов.

И одновременно он, ребенок, скажет: «Хочу жить своей жизнью», а ты, мать, скажешь: «Живи теперь своей жизнью».

Сильными спазмами ты станешь его выгалкивать из своего чрева, не считаясь с его болью; мощно и решительно он станет пробиваться, не считаясь с твоей болью.

Зверский акт.

Нет — и ты, и он подвластны сотне тысяч неуловимых, легких и дивно точных импульсов, дабы, забирая свою долю жизни, вы не взяли больше, чем принадлежит вам по праву, всеобщему и извечному.

«Мой ребенок».

Нет, даже в долгие месяцы тягости и часы родов ребенок не твой.

3. Ты говоришь: «Мой ребенок».

Нет, это ребенок общий — матери и отца, дедов и прадедов.

Чье-то отдаленное «я», спавшее в веренице предков, — голос истлевшей, давно забытой гробницы вдруг заговорил в твоём ребенке.

Три сотни лет тому назад, в военное или в мирное время, кто-то овладел кем-то (в калейдоскопе скрещивающихся рас, народов, классов) — с согласия или насильно, в минуту ужаса или любовной истомы, — изменил или соблазнил. Никто не знает кто и где, но Бог записал это в книгу судеб, а антрополог пытается разгадать по форме черепа и цвету волос.

Бывает, впечатлительный ребенок фантазирует, что он в доме родителей — подкидыш. Да: тот, кто породил его, умер столетия назад.

Ребенок — это пергамент, сплошь покрытый иероглифами, лишь часть которых ты сумеешь прочесть, а некоторые сможешь стереть или только перечеркнуть — и вложить свое содержание.

Страшный закон? Нет, прекрасный. В каждом твоём ребенке он видит первое звено бессмертной цепи поколений. Поищи в своём чужом ребенке эту дремлющую свою частицу. Быть может, и разгадаешь, быть может, даже и разовьешь.

Ребенок и беспредельность.

Ребенок и вечность.

Ребенок — пылинка в пространстве.

Ребенок — момент во времени.

4. Ты говоришь: «Он должен... Я хочу, чтобы он...»

И выбираешь для него, каким должен стать, — жизнь, какую желала бы.

Ничего, что кругом скудость и заурядность. Ничего, что кругом серость.

Люди суетятся, хлопочут, стараются — мелкие заботы, тусклые стремления, низменные цели...

Несбывшиеся надежды, мучительные сожаления, вечная тоска.

Всюду несправедливость.

Цепенеешь от бездушия, задыхаешься от лицемерия.

Имеющее клыки и когти нападает, тихое уходит в себя.

И не только страдают люди, а и марают душу...

Кем должен быть твой ребенок?

Борцом или только работником? Командующим или рядовым?

Или только счастливым?

Где счастье, в чем счастье? Знаешь ли к нему путь? Да и есть ли такие люди, которые знают?

Справишься ли?..

Как предвидеть, как оградить?

Мотылек над пенным потоком жизни... Как придать прочность крыльям, не снижая полета, закалять, не утомляя?

Собственным примером, помогая советами, словом и делом?

А если отвергнет?

Лет через пятнадцать он обращен к будущему, ты — к прошлому. У тебя воспоминания и привычки, у него поиски нового и дерзновенная надежда. Ты сомневаешься, он ждет и верит, ты боишься, а он бесстрашен.

Юность, если она не глумится, не проклинает, не презирает, всегда стремится переделать несовершенное прошлое.

Так и должно быть. И все ж...

Пусть ищет, лишь бы не плутал, пусть взбирается, лишь бы не сорвался, пусть искореняет, лишь бы не разбил в кровь руки, пусть борется, только осторожно-осторожно.

Скажет:

— Я другого мнения. Довольно опеки.

— Значит, не доверяешь?

— Не нужна я тебе?

— Тяготишься моей любовью?

— Неосмотрительное мое дитя, не знаешь ты жизни, бедное, неблагодарное!

5. Неблагодарное.

Благодарна ли земля солнышку, что ей светит? Дерево — зерну, что из него выросло? Поет ли соловушка матери, что выгрела его грудью?

Отдаешь ли ребенку то, что взяла у родителей, или лишь одалживаешь, чтобы получить обратно, тщательно записывая и высчитывая проценты?

Заслуга ли любовь, что ты требуешь плату?

«Мать-ворона мечется как безумная, почти садится на плечи парнишке, цепляется клювом за его палку, и, повиснув над ним, точно молотом бьет головой по стволу, отгрызая небольшие веточки, и каркает хриплым, натужным, сухим голосом отчаяния. А когда мальчик сбросит птенца, она кидается наземь и, волоча крылья, раскрывает клюв, хочет закаркать — голоса нет, — так она машет крыльями и скачет — смешная, ошалевшая — в ноги парнишке. Когда же перебьют всех ее детей, мать-ворона взлетает на

дерево, забирается в пустое гнездо и, кружа по нему, все думает» (Жеромский)¹.

Материнская любовь — стихия. Люди ее переделали на свой лад. Весь цивилизованный мир, за исключением народных масс, которых не коснулась культура, занимается детоубийством. Супруги, у которых двое детей, хотя могло быть двенадцать, — убийцы десятерых неродившихся, а среди них был один, именно он — «их ребенок». Быть может, среди нерожденных они убили самого ценного.

Так что же делать?

Воспитывать не этих детей, которые не родились, а этих, которые рождаются и будут жить.

6. «Здоров ли?»

Еще так странно, что он уже больше не она сама. Еще недавно в их двойной жизни боязнь за ребенка была частицей боязни за саму себя.

Она так желала, чтобы это уже кончилось, так сильно хотела, чтобы эта минута уже была позади. Думала, будет свободна от забот и тревог.

А сейчас?

Странная вещь: раньше ребенок был ей ближе, более свой, в его безопасности она была больше уверена, лучше его понимала. Думала, что она знает, сумеет... С момента, когда забота о нем перешла в чужие руки, опытные, оплачиваемые и уверенные, мать — одинокая, отодвинутая на задний план — испытывает беспокойство.

Мир его уже у нее отнимает.

И в долгие часы вынужденного бездействия мать спрашивает себя: «Что я ему дала, чем наделила, чем наградила?»

Здоровый? Так почему плачет?

Почему худенький, плохо сосет, не спит, спит так много, отчего у него такая большая головка, ножки скрючены, стиснуты кулачки, красная кожица, белые прыщики на носу, косят глазки, почему он икает, чихнул, давится, охрип?

Так и должно быть? А может, ее обманывают?

¹ *Стефан Жеромский* (1864–1925) — известный польский писатель и драматург. Цитируется отрывок из рассказа «Забвение». — *Примеч. ред.*

И она смотрит на это маленькое, беспомощное существо, не похожее ни на одно из точно таких же маленьких и беспомощных существ, которые она видела на улице или в парке.

Неужели и он через три-четыре месяца?..

А может, они ошибаются?

Может, проглядели?

Мать с недоверием слушает врача, изучая его взглядом: она желает понять по глазам, пожатия плечами, поднятой брови, нахмуренному лбу: говорит ли он правду и достаточно ли сосредоточен.

7. «Красив ли? А мне все равно». Так говорят неискренние матери, желая подчеркнуть свой серьезный взгляд на цели воспитания.

Красота, грация, приятный голос — капитал, переданный тобой ребенку; как ум и как здоровье, он облегчает жизненный путь. Но не следует переоценивать красоту: не подкрепленная другими достоинствами, она может принести вред. (И тем более требует зоркой мысли.)

Красивого ребенка надо воспитывать иначе, чем некрасивого. А раз воспитания без участия в нем самого ребенка не существует, не надо стыдливо утаивать от детей значение красоты, ибо это и портит.

Это псевдопрезрение к человеческой красоте — пережиток Средневековья. Человеку, чуткому к прелести цветка, бабочки, пейзажа, — как остаться равнодушным к красе человека?

Хочешь скрыть от ребенка, что он красив? Если ему не скажет об этом никто из домашних, скажут чужие люди: на улице, в магазине, в парке, всюду — восклицанием, улыбкой, взглядом, взрослые или ровесники. Скажет злая доля детей некрасивых и безобразных. И ребенок поймет, что красота дает особые права, как понимает, что это его рука и она ему служит.

Как слабый ребенок может развиваться благополучно, а здоровый — попасть в катастрофу, так и красивый — оказаться несчастным, а одетый в броню непривлекательности — невыделяемый, незамечаемый — жить счастливо. Ибо ты должен, обязан помнить, что жизнь, заметив каждое ценное качество, захочет купить его, выманить или украсть. Это равновесие тысячных отклонений рождает неожиданности, изумляющие воспитателя мучительными многократными «почему?».

— А мне все равно, красивый или некрасивый.

Ты начинаешь с ошибки и лицемерия.

8. «Умен ли?»

Вначале мать задается этим вопросом с тревогой, вскоре она будет требовать.

Ешь, хотя и сыт, хотя бы с отвращением; ложись спать, хотя бы со слезами, даже если заснешь лишь через час. Должен, требую, чтобы ты был здоров.

Не играй с песком, не ходи растрепой: требую, чтобы ты был красив.

«Он еще не говорит... Он старше на... несмотря на это, еще... Он плохо учится...»

Вместо того чтобы наблюдать, изучать и знать, берется первый попавшийся «удачный» ребенок и предъявляется требование своему: вот на кого ты должен быть похож.

Нельзя, чтобы ребенок состоятельных родителей стал ремесленником. Пусть уж лучше будет человеком падшим и несчастным. Не любовь к ребенку, а родительский эгоизм, не благо личности, а тщеславие толпы, не поиски пути, а пути шаблона.

Ум бывает активный и пассивный, живой и вялый, настойчивый и безвольный, покладистый и своенравный, творческий и подражательный, показной и глубокий, конкретный и абстрактный, ум математика, естествоведника, писателя; блестящая и посредственная память; ловкая манипуляция случайными знаниями и честная нерешительность; врожденные деспотизм, вдумчивость, критицизм; преждевременное и запоздалое развитие; односторонность или разносторонность интересов.

Но кому какое до этого дело?

«Пусть хоть четыре класса окончит», — опускают руки родители.

Предчувствуя блистательный ренессанс физического труда, я вижу кандидатов для него во всех классах общества. А до тех пор — борьба родителей и школы с каждым исключительным, нетипичным, слабым или неровным по своим способностям ребенком.

Не «умен ли вообще», а скорее «какого склада у него ум?».

Наивный призыв к семье добровольно принести тяжелую жертву. Пристальное изучение способностей ребенка обуздывает эгоистичные амбиции родителей. Разумеется, это песнь отдаленного будущего¹.

¹ Здесь и далее в разделе «Ребенок в семье» выделен текст, включенный автором во второе издание цикла «Как любить ребенка» спустя пятнадцать лет после написания книги. — *Примеч. ред.*

9. Хороший ребенок.

Надо остерегаться смешивать «хороший» с «удобный».

Мало плачет, ночью нас не будит, доверчив, спокоен — хороший.

А плохой капризен, кричит без явного к тому повода, доставляет матери больше неприятных эмоций, чем приятных.

Ребенок может быть более или менее терпелив от рождения, независимо от самочувствия. С одного довольно единицы нездоровья, чтобы дать реакцию десяти единиц крика, а другой на десяток единиц недомогания реагирует одной единицей плача.

Один вял, движения ленивы, сосание замедленно, крик без острого напряжения, четкой эмоции.

Другой легко возбудим, движения живы, сон чуток, сосание яростно, крик вплоть до синюхи.

Зайдется, задохнется, надо приводить в чувство, порой с трудом возвращается к жизни. Я знаю: это болезнь, мы лечим от нее рыбьим жиром, фосфором и безмолочной диетой. Но болезнь эта позволяла младенцу вырасти человеком могучей воли, стихийного натиска, гениального ума. Наполеон в детстве заходил плачем.

Все современное воспитание направлено на то, чтобы ребенок был удобен, последовательно, шаг за шагом стремится усыпить, подавить, истребить все, что является волей и свободой ребенка, стойкостью его духа, силой его требований.

Вежлив, послушен, хорош, удобен, а и мысли нет о том, что будет внутренне безволен и жизненно немощен.

10. Крик ребенка — неприятный сюрприз для молодой матери.

Знала, дети плачут, но, думая о своем, проглядела: ждала одних пленительных улыбок.

Станет соблюдать все необходимое, воспитывать будет разумно, современно, под наблюдением опытного врача. Ее ребенок не должен плакать.

Но наступает ночь, когда она, ошеломленная (живы еще отзвуки тяжелых часов, длившихся столетия), едва ощутив сладость усталости без забот, лени без самобичевания, отдыха после завершённой работы, отчаянного напряжения, первого в ее изнеженной жизни; едва уступив иллюзии, что все кончилось, ибо оно, дитя — этот другой — уж само дышит; умиленная, способная задавать лишь полные таинственных шепотов вопросы природе, не требуя даже ответа...

...вдруг слышит...

...деспотичный крик ребенка, который чего-то требует, на что-то жалуется, домогается помощи, а она не понимает!

Бодрствуй!

«Но если я не могу, не хочу, не знаю как!»

Этот первый крик при свете ночника — предвестник борьбы сдвоенной жизни: одна, зрелая, которую заставляют уступать, от-рекаться и жертвовать, защищается; другая, новая, молодая, заво-евывает свои права.

Сегодня ты не винишь его; он не понимает, страдает. Но есть на циферблате времени час, когда скажешь: «И я чувствую, и я страдаю».

11. Бывают новорожденные и младенцы, которые мало плачут, — тем лучше. Но есть и такие, у которых от крика взбухают на лбу вены, выпячивается темечко, багровая краска заливает личико и головку, губы синеют, беззубый ротик дрожит, животик вздувается, судорожно стискиваются кулачки, ножки колотят по воздуху. Вдруг он умолкает без сил, с выражением полной покорности глядит «с упреком» на мать, жмурит глаза, моля о сне, и после нескольких поспешных вдохов и выдохов опять подобный, а может и еще сильнее, приступ крика.

Неужто выдержат это маленькие легкие, крохотное сердце, юный мозг?

На помощь, врача!

Проходит вечность, прежде чем врач появляется и выслушивает со снисходительной улыбкой ее опасения, такой чужой, неприступный, профессионал, для него этот ребенок — один из тысячи. Появляется, чтобы через минуту уйти к другим страданиям, слушать иные жалобы, появляется сейчас, днем, когда на душе повеселело: солнце, на улице люди; появляется, когда ребенок как раз заснул, видно изнуренный часами без сна, и еле заметны следы кошмарной ночи.

Мать слушает, иногда слушает невнимательно. Мечты о враче-друге, советчике, проводнике в тяжелом странствии развеялись безвозвратно.

Она вручает гонорар и опять остается одна в печальном убеждении, что доктор — безучастный чужой человек, который не поймет. Да он и сам колеблется, ничего не сказал определенно.

12. Знай она, как важны эти первые дни и недели, и не столько для здоровья ребенка сейчас, сколько для будущности их обоих!

А уж как легко упустить!

Вместо того чтобы примириться с мыслью, что если врачу ее ребенок интересен лишь тем, что приносит доход или льстит тщеславию, так и для мира он ничто, и дорог лишь ей...

Вместо того чтобы примириться с современным состоянием науки, которая догадывается, старается узнать, изучает и делает шаг вперед — знает, но не уверена, помогает, но не дает гарантий...

Вместо того чтобы мужественно установить: воспитание ребенка — это не милая забава, а дело, требующее капиталовложений — тяжелых переживаний, забот бессонных ночей и много, много мыслей...

Вместо того чтобы переплавить все это в огне чувств на честное знание без иллюзий, без детского фыркания и эгоистичной горечи, она способна перевести ребенка вместе с няней в дальнюю комнату, потому что «не может смотреть» на мучения крошки, «не может слышать» его жалобных призывов; способна опять и опять вызывать врачей, не приобретая никакого опыта, — прибитая, отупевшая, одуревшая.

Как наивна радость матери, что она поняла первую неясную речь ребенка, угадала путанные, недоговоренные слова!

Лишь сейчас?.. Лишь это?.. И не больше?..

А язык плача и смеха, язык взгляда и губ сковородочкой, язык движений и сосания?..

Не отрекайся от этих ночей! Они дают то, чего не даст книга и ничей совет. Ценность этих ночей не только в знании, но и в глубоко душевном перевороте, который не позволяет вернуться к бесплодным размышлениям: «Что могло бы быть, что должно бы быть, как было бы хорошо, если бы...», а учит действовать в условиях, которые налицо.

В эти ночи может родиться дивный союзник, ангел-хранитель ребенка — интуиция материнского сердца, ясновидение, которое состоит из пытливой воли, зоркой мысли, неомраченных чувств.

13. Бывало и так: вызывает меня мать.

— Ребенок здоров, с ним все в порядке. Но я хотела бы, чтобы вы его посмотрели.

Осматриваю, даю несколько указаний, отвечаю на вопросы. Да здоров же, милый, веселый!

— До свидания!

И в тот же вечер или на другой день:

— Доктор, у ребенка жар.

Мать заметила то, чего я, врач, не сумел прочесть при поверхностном осмотре во время краткого визита.

Часами склоненная над малышом, не владея методом наблюдения, она не знает, что именно она заметила, и, не доверяя себе, не смеет признаться в сделанных ею тонких наблюдениях.

А она заметила, что у ребенка хрипоты нет, но голос глуховатый. Лепечет чуть меньше или тише. Раз вздрогнул во сне, несколько сильнее, чем обычно. Рассмеялся, когда проснулся, но потише. Сосал чуть медленнее, может быть с более длительными передышками, как бы рассеянно. Улыбнувшись, скривился, а может, это только показалось? Любимую игрушку бросил в гневе — отчего?

Сотней симптомов, которые заметили ее глаз, ухо, сосок, сотней микрожалоб ребенок сказал: «Мне нездоровится. Нехорошо мне сегодня».

Мать не верила в то, что она заметила, потому что в книжке ни об одном таком симптоме не читала.

14. В бесплатную поликлинику мать-рабочая приносит двухмесячного младенца.

— Не сосет. Еле возьмет сосок, бросает. С ложечки пьет. Иной раз во сне, а то и не во сне, как вскрикнет вдруг...

Осматриваю рот, горло — ничего не вижу.

— Дайте ему, пожалуйста, грудь.

Ребенок хватается сосок, сосать не хочет.

— Вот ведь какой стал!

Наконец ребенок берет грудь, быстро, как бы в отчаянии, делает несколько сосательных движений и с криком выпускает.

— Вы поглядите, у него что-то на десне.

Осматриваю во второй раз, покраснение, но странное: только на одной стороне.

— Вот тут что-то чернеется, зубик, что ли?

Вижу что-то твердое, желтоватое, овальное, с черным ободком. Приподнимаю, подается, под ним — маленькое красненькое углубление с кровавым краем.

Наконец это «что-то» у меня в руках: конопляная шелуха!

Над люлькой висит клетка с канарейкой. Канарейка бросила шелуху, та упала на губу, проскользнула в рот и впилась в десну.

Ход моих мыслей: *stomatitis catarrhalis*, *soor*, *stomatitis aphthosa*, *gingivitis*, *angina*¹ и т. д.

А мать: больно, что-то во рту.

Я два раза производил осмотр... А она?

15. Если иногда врача удивляет точность и дотошность материнских наблюдений, то, с другой стороны, он с равным удивлением устанавливает, что зачастую мать не умеет не то что понять, а даже заметить самый наипростейший симптом.

Ребенок от рождения плачет, мать ничего больше не увидела. Плачет и плачет...

Возникает ли плач внезапно, сразу достигая вершины, или жалобное хныканье постепенно переходит в крик? Быстро ли младенец успокаивается, сразу после выделения кала или мочи или после того, как вырвало (или сам выплюнул)? Вдруг ли разревется во время купания, одевания, вставания или, словно жалуясь, плачет протяжно, без внезапных вспышек? Какие при этом делает движения? Трется головкой о подушку, чмокает губами? Успокаивается ли, если носить, а распеленаешь и положишь на животик, часто ли меняет положение? Засыпает после плача крепким сном и надолго или просыпается при любом шорохе? Плачет до или после сосания, больше утром, вечером или ночью?

Успокаивается ли во время сосания? Надолго? Или не хочет сосать? Как не хочет? Бросает сосок, чуть взял в рот, или при глотании? Сразу или спустя некоторое время? Решительно не желает или можно склонить на сосание? Как сосет? Отчего не сосет?

Если насморк, то как будет сосать? Жадно и сильно, потому что хочется пить, а потом частыми небольшими глотками и неровно, делая передышки, потому что не хватает дыхания? А если и дальше глотание болезненно, то что будет?

Плачут не только с голоду и от болей в «животике», но и когда болят губы, десны, язык, горло, нос, палец, ухо, кости; от боли в поцарапанном клизмой заднем проходе, при болезненном выделении мочи, при тошноте, жажде, перегревании, зуде кожи, на которой еще сыпи нет, но появится через месяц-другой; плачут из-за

¹ *Stomatitis catarrhalis* (лат.) — воспаление слизистой оболочки рта; *soor* (лат.) — молочница; *stomatitis aphthosa* (лат.) — афтозный стоматит; *gingivitis* (лат.) — воспаление десен, гингивит; *angina* (лат.) — ангина.

жесткой тесемки, складки на пеленке, ворсинки ваты, которая встала в горле, шелухи от семечка из канарейкиной клетки.

Вызови врача на десять минут, но и сама наблюдай все двадцать часов.

16. Из-за книг с их готовыми формулами притупилось зрение и обленилась мысль. Живя чужим опытом, наблюдениями и взглядами, люди настолько утратили веру в себя, что не хотят смотреть своими глазами. Будто печатное слово — откровение, а не результат наблюдений — только чьих-то, а не моих, вчерашних, а не сегодняшних, над чьим-то, а не над моим ребенком.

А школа выработала трусость, страх выдать, что не знаю.

Сколько раз мать, записав на листке вопросы, которые хочет задать врачу, не решается их высказать. И как исключительно редко даст ему этот листок, потому что она там «написала глупости».

Сама скрывая то, чего она не знает, сколько раз она заставит и врача скрыть сомнения и колебания, ответить определенно! Как неохотно принимает широкая публика ответы условные, как не любит, когда врач размышляет вслух над колыбелью! Как часто врач, вынужденный быть пророком, становится шарлатаном!

Порой родители не хотят знать то, что они уже знали, и видеть то, что они уже увидели.

Роды в кругах, где царит фанатизм удобств, являются чем-то столь редким и злостно-исключительным, что мать категорически требует от природы щедрой награды. Если мать согласилась на лишения, на неприятности, недомогания беременности и муку родов, ребенок должен быть таким, каким она его придумала.

Хуже того: привыкнув, что на деньги можно купить все, она не хочет смириться с фактом, что есть что-то, что может получить нищий и чего не подадут, как ни проси, магнату.

Сколько раз в поисках того, что снабжено на рынке общей этикеткой «здоровье», родители покупают фальсификаты, которые или не помогают, или приносят вред.

17. Младенцу — грудь матери, все равно, родился он потому, что Бог благословил супругов или девица потеряла стыд; шепчет мать: «Мое сокровище» — или вздыхает: «Как мне быть, горемыке»; почтительно поздравляют ее светлость или бросят деревенской девчине: «Тьфу, потаскуха».

Проституция, которая служит мужчине, находит свое социальное дополнение в институте кормилиц, который служит женщине.

Следует глубоко осознать: это освященное традицией кровавое злодеяние по отношению к ребенку бедняка даже не на благо ребенку богатых. Ведь кормилица могла бы кормить и двоих сразу: своего и чужого. Молочная железа даст столько молока, сколько от нее потребуют. У кормилицы тогда пропадает молоко, когда ребенок выпивает молока меньше, чем дает грудь.

Формула: молочная грудь, слабый ребенок — молоко пропадает.

Странная вещь: в менее серьезных случаях мы склонны обращаться за советами ко многим врачам, а в столь важном: может ли мать сама кормить грудью — довольствуемся одним, подчас неискренним, подсказанным случайными людьми.

Каждая мать может кормить, у каждой достаточное количество молока; и только незнание техники кормления лишает ее этой врожденной способности.

Боли в груди, трещины на сосках являются некоторым препятствием. Но страдание окупается сознанием, что мать вынесла всю тягость, не переложив ничего на плечи купленной рабыне. Ибо кормление — это продолжение беременности, «только ребенок переместился наружу и, отрезанный от последа, взял грудь и пьет не красную, а белую кровь».

Пьет кровь? Да, материнскую — это закон природы, а не убийственного молочного брата — что узаконили люди.

Отголосок интенсивной борьбы за право ребенка на грудь. Сегодня во главе угла стоит жилищный вопрос. А что будет завтра? Как правило, интересы определяются текущим моментом.

18. Может, и я сочинил бы медицинский «Египетский сонник» для матерей.

«Вес три с половиной кило при рождении означает здоровье, благополучие».

«Испражнения зеленые, слизистые: беспокойство, неприятное известие».

Может, и я составил бы «Любви зеркало», сборник советов и указаний.

Но я убедился, что нет предписания, которого не довела бы до абсурда не критичная крайность.

Старая система:

Грудь тридцать раз в сутки, попеременно с «касторочкой». Младенец переходит из рук в руки, его качают, «тетешкают» все перепростуженные тетки. Подносят к окну, к зеркалу, хлопают в ладоши, гремят погремушками, поют песенки — ну просто ярмарка!

Новая система:

Каждые три часа грудь. Ребенок при виде приготовлений проявляет нетерпение, сердится, плачет. Мать смотрит на часы: еще четыре минуты. Ребенок спит, мать его будит — пора кормить, голодного отнимает от груди — время истекло. Лежит — не надо трогать. Не приучать к ношению на руках. Выкупанный, сухой, сытый ребенок должен спать. Не спит. Надо ходить на цыпочках, завесить окна. Больничная палата, морг.

Не мысль работает, а предписание приказывает.

19. Не «как часто кормить», а «сколько раз в сутки». Такая постановка вопроса развязывает матери руки; пусть сама устанавливает часы, как лучше ей и ребенку.

Сколько раз в сутки должен сосать ребенок?

От четырех раз до пятнадцати.

Как долго держать у груди ребенка?

От четырех минут до сорока пяти и дольше.

Мы встречаем: грудь легко и трудно отделяющую молоко, с обильным и скудным молоком, с хорошо выраженными сосками и невыраженными, с тугими и ранимыми. Мы встречаем детей сильно, неровно и лениво сосущих. Поэтому единого рецепта нет.

Сосок слабо выражен, но прочный; новорожденный активный; пусть он сосет часто и подолгу, чтобы «разработать» грудь.

Молочная мать, ребенок слабый. Может, лучше перед кормлением отцедить часть молока и заставить ребенка напрягаться? Не может справиться? Дать грудь, а оставшееся молоко отцедить.

Грудь туговата, ребенок вялый. Он начинает пить минут через десять.

На одно глотательное движение может приходиться от одного до пяти сосательных. Количество молока в одном глотке может быть больше или меньше.

Берет грудь, сосет, но не глотает; редко, часто глотает.

«По подбородку течет». Может, потому, что молока много, а может, и потому, что молока мало, ребенок изголодался, сильно втянул в себя и поперхнулся — но только первыми глотками.

Как можно, не зная ребенка и матери, давать предписания?

«Кормить по десять минут пять раз в сутки» — это схема.

ЯНУШ КОРЧАК
КАК ЛЮБИТЬ РЕБЕНКА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ульяна Смирнова, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 26.12.2023.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 49,98 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ филиалы, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская жағалауы, 12-үй, А лит., Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-NFB-33618-01-R